

Анатолий АВРУТИН

Боль, которая не кончается...

О романе Николая Чергинца «Операция Кровь»

Этот роман — попытка на строго документальной основе показать, как же всё происходило на самом деле.

И, конечно, восстановить потерянные ныне приоритеты: война была именно народной, советская власть — родная, партизаны — народные заступники, а полиция с бело-красно-белыми повязками — враги и изменники Родины.

Показать всё, как было — без парадности и трескотни, практически не оставляя героям права на пресловутую белорусскую толерантность. Исподволь внедряемое националистами в людские умы мнение о том, что война была несправедливой схваткой двух тоталитарных режимов, а белорусы — всего лишь пострадавшая сторона в этой схватке, для автора совершенно неприемлемо. По его убеждению, полиция не могла быть «хорошими хлопцами»: если пошёл в услужение к врагу, значит и сам стал врагом, а если всё же сохранил совесть — помогай своим...

Для Чергинца описываемые события — не авторская фантазия. Более того, роман куда более автобиографичен, чем может показаться. Здесь почти всё правда. И то, что отец их многодетного семейства, Иван Платонович, в самом начале войны всё же выбрался из Минска и ушёл в действующую армию, а после Победы вернулся без ноги... И то, с какой женской мудростью вела себя мать писателя Елена Петровна Стасевич, сберёгшая собственных детей и долго прятанная в доме еврейскую де-

вочку... И то, что родную сестру Чергинца, Зину, имя которой в книге упоминается вскользь, гитлеровцы за связь с партизанами едва не казнили, но на всю жизнь оставили инвалидом...

О зверствах гитлеровцев и их прислужников в оккупированной Белоруссии написано немало. Но лишь сравнительно недавно вскрылись жутчайшие детали того, как оккупанты создали в республике целую сеть детских лагерей, где полностью высасывали из детишек кровь «на нужды немецкой армии». Они понимали, что творят величайшее преступление, а потому держали информацию об этих лагерях в строжайшей секретности. Операции по спасению свыше пятисот детишек из такого лагеря в посёлке Семково, что на Минщине, посвящены многие страницы романа. Собственно, и название своё книга Чергинца получила именно поэтому.

Второй и ничуть не менее важной сюжетной линией романа является история уничтожения оккупантами евреев в минском гетто. В этой связи вспоминается достаточно давняя история. В конце 70-х годов выдающийся белорусский художник, бывший узник Бухенвальда Михаил Савицкий написал цикл полотен «Цифры на сердце», одно из которых — «Летний театр» — вызвало скандал в обществе. По обе стороны бульдозера, сгребавшего в яму тела расстрелянных узников, художник изобразил две чёрные фигуры: с одной стороны — эсэсовец, с другой — полубезумный на вид заключённый со звездой Давида на

груди, пособник оккупантов. Либеральная общественность обвинила художника в оскорблении памяти жертв нацизма. Вскоре из ЦК КПБ поступило указание звезду закрасить... На эту тему вообще было принято говорить полупрошептом, а уж о том, что среди евреев оказывались и те, кто помогал оккупантам уничтожать соплеменников, и подумать было страшно.

Факты — упрямая вещь. Сегодня доподлинно известно, что на сотни тысяч невиновных убитых мирных жителей приходилось десятки тех, кто с немалым рвением служил в юденратах и зачастую принимал участие в казнях. Мальчиком Чергинец не раз видел подобные расправы, потому и описывает финальные сцены романа с такой силой, что эти страницы физически больно читать...

Для непосвящённых напомним, что Николай Чергинец — автор четырёх с лишним десятков романов и ещё в советские времена был одним из самых читаемых писателей страны. Правда, большинство произведений относилось к детективному жанру: «Вам — задание», «За секунду до выстрела», «Финал Краба»... Это неудивительно: большую часть жизни Николай Иванович прослужил в органах внутренних дел, получив звание генерал-лейтенанта внутренней службы. Потом был Афганистан, итогом которого стали романы «Сыновья» и «Тайна чёрных гор». Позднее он занял высокий пост в белорусском парламенте, и в романе «Илоты безумия» первым в отечественной литературе поднял тему угрозы междуна-

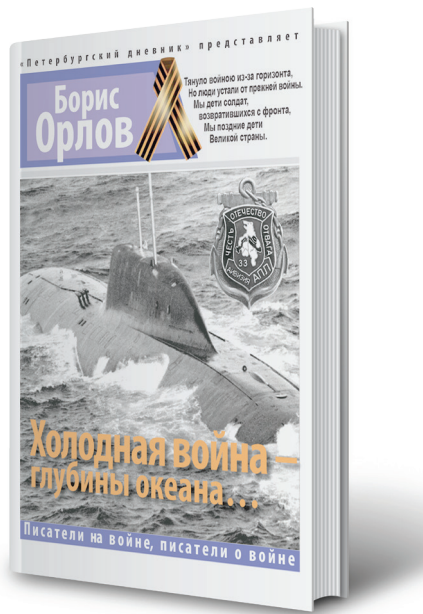
родного терроризма. В наделавшем немало шума из-за приведенных пикантных подробностей жизни американской верхушки романе «Тайна Овального кабинета» он основательно вскрыл изнанку политической жизни США.

На мой взгляд, «Операция "Кровь"» — лучшее на сегодняшний день произведение автора, которое ещё предстоит оценить критикам и литературоведам. Но уже сейчас очевидно, что роман вписывает новую страницу в историю художественного осмысления минувшей войны. Образно говоря, вливает в неё свежую кровь... Ещё раз оправдывая этим своё название.

Александр МЕДВЕДЕВ

Семь футов любви

О книге Бориса Орлова «Холодная война — глубины океана...»

Принимая вызовы времени, Борис Орлов продолжает чувствовать себя в строю — патриотом великой страны, частицей великого народа и декларирует это своими произведениями.

Книга стихотворений «Холодная война — глубины океана...» вышла в серии «Писатели на войне, писатели о войне», посвящённой 70-летию Победы. Невольно вспоминается короткое древнерусское «Слово о погибели русской земли» с перечислением «многих красот, прославивших землю Русскую», с перечнем стран, повиновавшихся великим князьям русским, и завершающееся великой скорбью, воплем — «обрушилась беда на христиан»...

Предательство заветов отцов, веры, отступничество и раздоры не раз приводили Россию на край гибели, спасала верность. Болью открытой раны преисполнены строки Орлова о 1990-х годах, когда «умирал великий флот Союза»:

Продали солярку. Нет бензина.
В ржавчине надстройка.
Винт в песке.
Адмирал скупает магазины.
Он пахан в военном городке.
Офицеры пьяно горбят спины.
Втоптан в грязь, как тряпка,
флотский флаг.
Адмирал, скупивший магазины,
Топит флот страшней,
чем внешний враг.

Ржавеющие корабли, распиленные на металл подлодки... «Для русских пятая колонна / Опаснее других врагов», — глазам моряка больно видеть умирающий, без боя сданный флот. Но не о железе печаль, а о судьбах товарищей, ведь с ними пройдены «казармы, полигоны и моря», многомесячные подводные походы, когда люди не щадили здоровья, а то и жизни, отдавая долг Родине. С неподдельной теплотой пишет Орлов о своих сослуживцах, которые «Достоинство и Веру берегли». С той же теплотой вырисовываются картины истории Руси-России, переплетающиеся то вязко, то морским узлом со временем нынешним, связуя далёкое, делая близкими русских людей: моряков, хлебопашцев, инженеров, учителей, святых. Все они — надёжный экипаж поэта-моряка, в разговоре о них, о детстве, любви, семье, дружбе и мире Орлов находит тонкие, неожиданные образы.

Космос — вечная Божья свобода, —
Мне сказал астроном-богослов.

Во Вселенной он ищет не воду,
А мелодии тонких миров.

В небе песни ночного простора
Заплетаются в звёздный венок.
Мирозданье — оркестр, пред которым
С дирижёрской палочкой — Бог.

Борис Орлов — поэт-государственник. Быть таковым в России — традиция давняя, освящённая Ломоносовым, Державиным, Пушкиным. Именно пушкинское «где нет любви, там нет истины», движимое любовью к русскому миру, делает строку истинно поэтической. Ибо любовь бесспорна. Другое дело — взгляд поэта-публициста, чеканящего «железный стих, облитый горечью и злостью». Здесь особенно нужно чувство меры. Всегда ли поэт спросит себя: не перелил ли я горечи? не выглядит ли мой отклик на злобу дня озлобленностью и унынием? Всегда ли поэт способен не по исторической, ещё не существующей, а по сердечной карте найти то расстояние, с которого ему увидится большое, откуда оценит он творимые нашими руками промыслительные свершения о России, пренебрегая досадою неудач?

Издавна русские поэты знают ответ на вопрос «Кому на Руси жить хорошо» — никому, по Некрасову. Вспомним, как описывая строительство железной дороги из Петербурга в Москву, Некрасов немилозвучно сгущал краски, рисуя ужасный, каторжный труд. Между тем, это была крайне выгодная и высокооплачиваемая работа, и охрана труда по тем временам отвечала передовым требованиям. Но такова

сила «музы скорби и печали» — она не способствует широте взгляда, затмевает глаза на добрые проявления российской жизни. Что говорить, податливы мы, русские, на печаль и потому часто «стон у нас песней зовётся». Редкий современный русский поэт избежал влияния/обаяния этой музыки.

Россия — в свалку превращённый храм,
Иду и плачу — топь на месте луга.
Давно церковным звоном по утрам
Селенья не приветствуют друг друга.

Было бы крайне грустно, если бы эти мотивы возобладали в поэзии Бориса Орлова. Тогда, действительно, можно было бы говорить об окончательном поражении России в холодной войне. Словно вспоминая слова Лебедева-Кумача — «Кто сказал, что надо бросить / Песни на войне? / После боя сердце просит / Музыки вдвойне!», — поэт оглядывает родной простор, и тёплая волна, идущая из глубины души, вызывает другие слёзы — слёзы благодарности и неудержимого восторга, и нет сомнения, что жить в России, в стране воинов и подвижников веры и верности, — великое счастье.

Полпроци в солнышке игольчатом.
Печали нет и грусти нет.
Душа — поляна колокольчиков:
И синий звон, и синий свет.

Поют и птицы, и кузнечики.
Слеза от радости течёт.
Душа цветёт. И всё изменчиво...
Но остальное всё не в счёт!